ты, а крестьяне и крестьянские сыновья, — и их руками была задушена, их сапогами была растоптана Коммуна.

В России в 1905 г. огромное большинство городского населения было на стороне революции. Отход буржуазии от революции после октября не спас бы царизма, но рабочее движение в городах не было поддержано деревней, крестьянские массы держались в стороне от борьбы, — и потому в руках самодержавия осталась армия, в подавляющем большинстве своем состоявшая из крестьянских сыновей. В феврале-марте 1917 года городское движение было едва ли сильнее, чем в 1905 г. Разница положения была лишь в том, что революционным движением была охвачена и внешне неподвижная крестьянская масса. На стороне царизма не оказалось армии, и он пал при первом же натиске пролетариата.

На наших глазах разыгрывается в Австрии политическая драма, во многом похожая на французскую трагедию 1871 г. В городах большинство населения на стороне социал-демократии. Но буржуазия, бессильная против своих классовых противников в городе, апеллирует к крестьянству. Ей удалось разжечь в отсталых горных деревнях такую же ненависть к красной Вене, какую больше полувека тому назад версальцы сумели внушить французским крестьянам против Красного Парижа. Разве крестьянские дружины, которые втихомолку вооружало правительство Зейпеля, по социальному составу и по своим задачам не родственны войскам Тьера и Галифе? Разве в 1928 г. своим походом в Neustadt под Веной они не пытались прорепетировать будущий поход на Красную столицу? Характерно, что основным лозунгом этого похода явилось уничтожение квартирного законодательства, остающегося в Австрии со времени войны, законодательства, защищающего квартиронанимателей, фактически отменившего ренту на городскую недвижимость и создавшего почву для блестящей строительной политики венского муниципалитета. Вопрос о квартирной плате давно волнует венских домовладельцев, недаром стоит он в центре всех политических выборов в столице Австрии! Но этот вопрос ни в малейшей мере не затрагивает интересов тирольских, форальбергских или зальцкаммергутских крестьян! Но в этом то и заключается наиболее характерная черта борьбы Версаля с Коммуной, что вооруженные крестьянские сыновья защищают не свои интересы, служат не своему делу, таскают каштаны из огня для чуждого и, в конце концов, враждебного им класса!..

Но вернемся к Германии. Миллионы крестьянского населения в Германии являются чрезвычайно веским политическим фактором: пока они идут за крупными аграриями, на стороне класса собственников оказывается не только большая политическая сила (при голосованиях), но и внушительная физическая сила (рейхсвер и тайные дружины). Вместе с тем социальный и политический вес крестьянства накладывает особый отпечаток на группировку всех вообще собственнических, социально реакционных элементов в стране. Сами по себе крупные аграрии, представители отжившей политической системы и отживающей формы сельского хозяйства, непрестанно требующие от государства денежной и таможенной поддержки, сами по себе юнкера, не могли бы играть в Германии значительной политической роли. На лучший конец, они должны были бы оставаться в положении крикливой и шумной, но мало влиятельной кучки на правом фланге собственнического блока, лидируемого угольными королями, стальными баронами и рыцарями финансового капитала. Но а р м и ю этих королей и баронов составляет крестьянство. Привести крестьян под их знамена могут только аграрии. И вот, в о г л а в е собственнического блока оказывается немецко-национальная партия, представляющая интересы крупных аграриев, — не только численно, но и экономически н а и м е н е е значительной социальной группы внутри класса собственников!

Мы видели, что рабочие и служащие в промышленности, торговле и транспорте составляют 46,3% самодеятельного населения Германии. Если бы социал-демократии удалось объединить под своим руководством всю эту пролетарскую массу и хотя бы четверть остальных пролетарских элементов (в сельском хозяйстве и на государственной, общественной и частной службе), то она уже располагала бы абсолютным большинством в стране. Но необходимо помнить, что и в промышленности не весь пролетариат идет за социал-демократией: помимо того раскола, который внесли в немецкое рабочее движение коммунисты, значительные слои пролетариата до сих пор находятся под влиянием клерикальных и националистических организаций. На поверхности политической жизни борьба социал-демократии с коммунистами занимает больше места, нежели борьба свободных (классовых) рабочих организаций с объединениями, служащими для проведения буржуазных влияний в пролетарскую среду. Но социологически, в исторической перспективе, эта последняя борьба имеет большее значение,